

Лундстрем звучит, как Гольфстрим. Теплое течение. Человека заботливо несет судьба. Он сам ее верно несет. Как караул.

Лундстрем - это профессия. Часовой с дирижерской палочкой. При внешней невозмутимости северянина его натура - джаз.

Лундстрем звучит, как название инструмента. Имя эпохи. Его оркестр шестьдесят лет живет, будто пожарная команда. Только не тушит, а поджигает. Их "туш" возбуждает чувства.

Лундстрем - надежный слуга этого возбуждения. Его фамилия удачно подходит к заморскому искусству. Джаз завез к нам Лундстрем, которого самого завезли из Маньчжурии. Так шептали. На самом деле джаз покорила Лундстрема с жадностью темпераментной женщины - еще одним влюбленным больше. Именно музыка завела музыканта туда, куда только она может завести. И в Советский Союз тоже.

Для меня КВЖД звучало, как - ссылка, лагерь на чужой, но дружной с нами земле. И все, кто оттуда, казались достойными обогрева страдальцами - ведь от Родины вдали. Пели, играли, жили... Вернулись - как воскресли.

Лундстрем великомучеником не был. Хотя ему навязывают горькую судьбину - для легенды. Теперь всех, кого угорадило жить в 30-40-е, клеймят состраданиями. С высоты нынешнего благополучия, когда не расстреливают, а лишь отстреливают.

Лундстрем устал доказывать, что ему везло. Этот человек лишен кокетства. На мое восторженное: "Вы кажется очень светлой личностью. Верится, что за всю жизнь не совершили ни одного зловерного поступка", - собеседник по-мужски скуп отдался от навязанного почтения: "Я никогда об этом не думал. У меня другие мысли в голове. О том, как просуществовать оркестру". Поэтому, слыша от него, что на КВЖД был настоящий коммунизм, я не верю в преувеличение. Лундстрем прошел все возможные стадии общественного устройства: коммунизм, капитализм, социализм. Именно в такой последовательности.

Плюс то, что у нас сегодня, - просто нет слова, чтобы обозвать. КВЖД - это примерно, как БАМ. "Дорога", которую строили наши люди. Когда в 1921 году Китай признал СССР, в знак протеста со стройки ушли многие специалисты. А по соседству была Дальне-Восточная Республика. Кость в горле у красных. Последний на востоке пьедестал белых. И в Чите, столице ДВР, в 1916 году родился Олег Лундстрем. Чтобы через пять лет поехать с родителями в Харбин - набирать новых специалистов на КВЖД. Отца, профессора физики, позвали преподавать в Политехническом институте. Мать устроилась работать хирургической медсестрой.

Русская колония жила богато. Строила курорты, выплачивала награды, позволяла себе выписывать с "Большой земли" лучших певцов, артистов. Они ехали охотно - за пристойными деньгами. Там начинал Лемешев.

"Музыкантов-профессионалов у меня в семье не было. Хотя отец играл на фортепиано, а мать хорошо пела. Я начал учиться музыке только для домашнего музицирования. Радио еще не было, только граммофонные пластинки. Я играл на скрипке, младший брат Игорь - на фортепиано. Для удовольствия собственного и других".

В нем и джаз поселился для удовольствия. Захотелось попробовать повторить эту захватывающую музыку. Чтобы понять секрет ее власти. Так мужчина все целует и целует женщину, дабы разгадать, чем же она его очаровала. У Лундстрема разгадывание музыки затнулось на 60 лет. А женщины - собственной супруги - на 40. Такой вот он основательный.

В 18 лет друзья-ровесники выбрали его руководителем оркестра: "Видимо, потому, что я уже тогда пытался что-то сочинять, делал аранжировки. Руководитель же должен заботиться о репертуаре". В последующие годы на профсоюзных собраниях музыканты критиковали своего дирижера за мягкотелость, говорили, что с ними надо поостроже. А он не умеет держать. Удерживать должна музыка. Невлюбленный уйдет сам. Его нестрогость - синоним увлеченности, которая допускает одно сообщество - послушников Джаза.

"Сейчас многие думают и говорят, что я как встал перед оркест-

ром, так мне было предначертано 60 лет идти этим путем. А я воспринимаю происшедшее иначе". Как бы сам Лундстрем ни воспринимал, судьба плотоядно потряхивает копилкой. Поздно уже "иначе". Отметался. Десять лет он задумчиво расхаживал между чертежной доской и пиюпитром. Ему еще строить хоте-

дей, когда они увлекутся разоблачением "каких-то троцкистов", и тогда их территории закроются для доступа, в том числе музыки. Однако они неминуемо очнутся и захотят джаза, чтобы забыть собственное помрачение рассудка. "После войны людям снова понадобилась музыка. Для грандиозного концерта в честь По-

стране. Окончил лесной институт, заведовал лесами Его Императорского Величества. Дослужился до титула действительного статского советника - генеральское звание в штатской жизни и одновременно - дворянское. А Олег Лундстрем - Народный артист РСФСР. Уже собрали документы для союзного звания, да Союз распался.

нать, чем же кормится Олег Леонидович, не уходящий в поп-музыку. А он мне Эллинтон в пример: просуществовал же. "Нужно любить свое дело больше, чем самого себя. Побеждает тот, кто держится за свое". Приезжал из Нью-Йорка вокальный квартет. И вокалистка оркестра говорила Лундстрему с восторженной завистью: как работают!

А он ей толковал: в том-то и дело, что не работают, а наслаждаются тем, что делают. У них черновик остается на предварительном этапе, чтобы не мешал празднику.

Самая высокая похвала из уст Лундстрема: "настоящий профессионал". Он не любит говорить о том, что не музыка. "Каждый человек, особенно интеллигентный, должен профессионально заниматься своим делом. Зачем заниматься тем, на что ты не можешь повлиять?"

В казанской консерватории проходил пленум Союза композиторов, куда приехал Шостакович. Олега Леонидовича попросили сопровождать его по городу. Они шли на очередное заседание, и Дмитрий Дмитриевич чуть не плакал: вот я сейчас здесь на пленуме, потом надо на пленум в Ташкент, затем - в Тбилиси, когда же писать музыку?! Живя в

Китае, Лундстрем знал лишь двух советских композиторов: Шостаковича и Прокофьева. Остальных и близко не было. Позже вырослся "Танец с саблями" Хачатуряна. И вот, оказалось, великому творцу не давала работать общественная деятельность. С тех пор Лундстрем предпочитает лишнюю пьесу написать, чем в каком-нибудь культурном президиуме оказаться. Он до сих пор, в свои 78 лет, гастролирует по миру с юношеской ненасытностью. Супруга - бывшая драматическая актриса - понимает, какой жертвы требует искусство мужа. Лундстрем женился в 38 лет - прежде все чувства отнимала музыка. "Мы в одном театре работали. Кто кого первый победил, я не знаю, но раз сорок лет живем, значит, так было нужно. Я считаю, что жизнь моя сложилась очень счастливо. Включая все. И мою жену". Она вышла замуж за джаз - и Лундстрема в придачу.

В Москву переехали в 1956 году. Олег Леонидович говорит не "переехали", а - "начали работать". У него свои мерки. Квартиру получили в 1964-м - последними из многодетных, кому жилье дали бесплатно. И тут повезло. Он никогда ничего не просил. Ему везло на людей, которые понимают: этому человеку стоит помочь, чтобы он сидел за роялем или письменным столом и думал не о том, что чего-то не хватает, а о том, как всего много и как бы успеть.

В его квартире зимой редко бывает выше +16 градусов. Супруга мерзнет в трех вязаных кофтах. И с ужасом слушает прогноз погоды, сулящий мороз. А Лундстрем с потаенной заусами улыбкой благодарно поминает свою северную варяжскую кровь. Он и в толстой безрукавке выглядит, как во фраке. А кошачьи мягкость и флегматичность намекают на особость внутреннего мира и своенравие.

Он старомоден не числом лет, а своей умиротворенностью. Пожилые люди лучше помнят прошлое. Говорят же: старики возвращаются в детство. Но Лундстрема уже затерзали воспоминаниями. Он отработал монолог на ожидаемую тему и выдает его скороговоркой, как будущий абзац из энциклопедии джаза. А самому не сидится куда-нибудь с оркестром умчаться. Он же всегда хотел быть нужным. И раз настоящее в нем тоже нуждается, значит, не время о себе легенды набалтывать. Джаз - его котомка, из которой приятно раздавать эмоции. Вот он и скитается судьбоюносно.

И я с восторженной завистью думаю: как живет! А кто-то (не внутренний ли голос Лундстрема?) управляет: в том-то и дело, что не просто живет, а наслаждается. И я тянусь к нему за рецептом.

Алла ПЕРЕВАЛОВА.
Фото Виктора АХЛОМОВА.

Гость подразумевает диалог. Но некоторые гости любят помолчать - за долгую жизнь достаточно наговорили о себе. И тогда их немногословие рождает иной жанр - не интервью.

Неделя - 1995. - № 1-С13

Олег Лундстрем

лось. В Харбине-то понятно - там все строили. Поэтому Олег поступил на электромеханический факультет Политехнического института. Чтобы пригодиться "дороге". А музыка его выкрала. Оркестр начинал с выступлений на танцуйках, величавых балами. Переехав в Шанхай, полноценный Китай, перешли к рыночным отношениям - спрос подогревал любовь к занятию, которое еще и кормит. Когда началась война, музыканты запросились на фронт. Как же без них, когда немцы уже под Смоленском?! Написали одну фразу - просьбу добровольцев, - и под ней 150 подписей. С этим папирусом к Генеральному консулу отправили Лундстрема - от лиц советской молодежи. Консул мудро сказал: вы

беды я написал свой первыйopus - "Интерлюдия" - и подумал: инженер я без практики, а в джазе столько лет практики, что придется заниматься им".

Сколько случайностей ради нынешней строки в Книге рекордов Гиннеса о самом старейшем джазовом коллективе. Лундстрем добродушно смеется: "Джаз родился в Америке, а самый старый оркестр - наш". Будто иронизирует над иронией судьбы. Смирно ее принимая. Вместе с той случайностью, что произошла задолго до его рождения.

"Мой дед по материнской линии - вундерлайт племянник Тараса Шевченко, народоведец. Они готовили заговор против царя. Их разоблачили, его

и трудно сказать, кому больше не повезло: Лундстрему или СССР.

Став одним из лучших оркестров в Шанхае, музыканты поняли, что просторы надо раздвигать. Названный "королем джаза Дальнего Востока" Олег Лундстрем с товарищами вернулись на Родину в 1947 году.

Только что расформировали оркестр Цфасмана. Годом позже вышло Постановление ЦК КПСС об опере Мурадели, о чуждых нашему искусству веяниях и влияниях. Было решено, что джаз советскому народу не нужен. Нечего, мол, преклоняться перед Западом, пусть сам кланяется. Это ведь мы войну выиграли. А чересчур вольная музыка разрушает дисциплину - вносит смуту в тела и мозги.

Коллектив Лундстрема выбрал Казань, где была консерватория. Музыканты хотели учиться. Оркестр собрался сделать джазом Татарской республики, но после Постановления пришлось трудоустроить иначе: кого в оперу, кого в кинотеатр. Лундстрем стал скрипачом в театре оперы и балета, в консерватории прошел курс симфонического дирижирования.

В консерватории учили: искусство отображает жизнь. Лундстрем спорил: искусство должно возвышать жизнь. Пока же жизнь принажала искусство. И прихотливо хитрит, заниматься демагогией. Не музыкантам, а художественному руководителю казанской филармонии композитору Ключареву, когда он устраивал оркестру концерты по республике и отбивался от правоверных зануд: мы не буржуазный джаз играем, а советский. И Лундстрем делал аранжировки татарских песен. Ему интересно превращать в джаз все, что превращается. Хоть "Песню о капитане", хоть "Катюшу", хоть местный фольклор. Может быть, это подобно страсти алхимика, который из всяких подручных предметов норовит добыть философский камень.

Философия Лундстрема проста, как смысл жизни: "На наших концертах аншлаги - значит мы нужны, нас любят. Музыка должна эмоционально заражать зал".

В оркестре Лундстрема солировали многие ныне известные эстрадные певицы и ушли, в том числе и потому, что джаз не может прокормить, что он нужен лишь горстке ценителей. Я попыталась уз-

- Вы свой возраст ощущаете? - У меня знакомый врач, который тоже приехал из Китая. Он обычно спрашивает: как ты себя чувствуешь? А я отвечаю: я себя не чувствую, потому что некогда. И он смеется: это лучше всего, с точки зрения медицины.

здесь нужнее. Может, ему самому так спокойнее было, чем возиться с отправкой 150 юнцов? Может, указание такое вышло? А может, пожалел? В 1937 году, когда оркестр всем составом рвался в СССР - музыку Родину вдохновлять, тот же консул сказал: "Там каких-то троцкистов разоблачили, и временно въезд в страну прекращен".

Везение просто преследовало Лундстрема, как он от него ни бежал. Потому что и за ним не бежал. Не понав на фронт, Олег снова подумал о строительстве. Мысль о собственной бесполезности в разрушенной стране погнала его в Высший Технический Центр, где он получил диплом инженера-архитектора. Видимо, тогда он еще сомневался в созидательной силе джаза. Потребность в музыке может временно покинуть лю-

приговорили к расстрелу. Случилось это в Одессе. Бабушка бросилась к генерал-губернатору и упростила заменить мужу расстрел на вечную каторгу. А когда царь умер своей смертью, объявили амнистию, и дед остался в Чите на вечное поселение. Тогда бабушка к нему приехала, и там родилась моя мать. Если б дед расстреляли, то джаза могло не быть".

Так же, как и Олега Лундстрема, чья иностранная фамилия долго смущала российские умы. Просто один из его прадедов - швед - перевалил границу из Швеции в Финляндию, вошел в Петербург и там остался. Второй дед Лундстрема женился на русской женщине и, собирая в Соцельник семью, строго велел детям считать себя русскими. Он уважал свое воспитание, полученное в этой